
ОБРАЗЫ КАЛМЫКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. ДЮМА И О. БАЛЬЗАКА

Г.А. Сорокина

Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
Садовая-Кудринская ул., 9, Москва, Россия, 123995

Автор статьи предпринял попытку анализа образов калмыков, представленных писателями А. Дюма и О. Бальзаком. Первая встреча столь далеких культур, как французская и калмыцкая, произошла во время наполеоновских войн: в 1814 г. русская армия, в составе которой были и калмыцкие войска, вошла в Париж. Бальзак в романе «Урсула Мируэ» отразил восприятие образа калмыков французским обществом как глубоко чуждого и враждебного. Дюма посетил Россию в 1858—1859 гг. и описал свои впечатления в книге, в которой калмыцкая культура занимает большое место. Дюма представил калмыцкую культуру буддийскую и выразил свое восхищение многими чертами калмыцкого национального характера. Автор данной статьи подчеркивает, что литературные образы калмыков являются одной из форм культурного диалога.

Ключевые слова: Дюма, Бальзак, калмыки, образ, буддизм, калмыки в Париже.

Для исследователя, изучающего диалог европейских культур с восточными, несомненный интерес представляет проблема соприкосновения столь далеких культур, как французская и калмыцкая. Уже с начала XIX в. Европа в определенной степени была знакома с калмыками и калмыцкой культурой.

Первое появление калмыков на международной европейской арене относится к периоду наполеоновских войн. Калмыцкие полки принимали участие в разгроме французских войск на территории герцогства Варшавского, Германии, Франции.

Большой вклад в представления европейского общества о калмыцкой культуре внес писатель А. Дюма-отец, который совершил путешествие в Россию и описал его в книге «Путевые впечатления. В России».

Познакомившись в 1858 г. во Франции с известным русским меценатом Г.А. Кушелевым-Безбородько, Дюма получил от него приглашение посетить Россию. Страстный путешественник, Дюма давно мечтал об этом, и уже в июне того же года он прибыл в Петербург. Из Петербурга писатель отправился в Москву, затем в Нижний Новгород, Казань, а далее по Волге до Астрахани. Известен подробный календарь путешествия Дюма по России. Обращаясь к интересующему нас этапу поездки писателя, отметим, что 25 октября 1858 г. Дюма прибыл в Астрахань и несколько дней гостил у калмыцкого князя Тюменя, а 3 ноября отправился на Кавказ, затем из Трапезунда на пароходе отплыл во Францию и прибыл в Марсель в марте 1859 г.

После возвращения из России писатель публикует отдельные главы-очерки и литературные этюды, постепенно расширяя поле своих впечатлений и воспоминаний о России. В 1862 году в журнале «Монте-Кристо» вышло несколько очерков, посвященных Калмыкии: «В Калмыкии: армяне и татары в Калмыкии»,

«Праздник у князя Тюменя», «Продолжение праздника», «Дикие лошади», «Степан». В 1865 году увидела свет книга А. Дюма «Путевые впечатления. В России».

Писатель в своих путевых заметках сумел великолепно отразить историю, культуру, религиозные представления, этнографические подробности, касающиеся образа жизни и быта народов, с которыми ему удалось познакомиться. Свое кредо в изложении увиденного во время многочисленных путешествий он выразил следующим образом: «Я не из тех путешественников, которые высказывают приторный восторг... Нет, я перебрал, продумал свои впечатления и описал их для тех, кто прочтет эти строки; быть может, сделано это плохо, но я не описывал ничего такого, чего бы не пережил» [1. С. 34].

Более того, для Дюма характерна позиция пытливого, непредвзятого и заинтересованного наблюдателя и исследователя, к тому же обладающего незаурядными познаниями относительно тех народов и стран, куда он совершал путешествия. «Страницы „Путевых впечатлений“ в большинстве своем проникнуты чувством душевного уважения к людям, о которых Дюма стремится дать представление „французскому обществу“» [1. С. 24].

Приближаясь к границам проживания калмыков, Дюма сделал краткую, но выразительную запись: «...Лишь ценой огромных усилий я мог представить себе, что нахожусь между Уралом и Волгой, что слева от меня живут татары, справа калмыки, а я оказался посередине, между монгольскими племенами» [2. С. 223].

Подъезжая к Астрахани, среди безбрежных степных просторов путешественники увидели калмыцкие шатры, затем дворец калмыцкого князя причудливой архитектуры и пагоду, посвященную далай-ламе. Эти строения показали путешественникам «вехами, обозначающими границу европейского мира и воздвигнутые гениями мира азиатского» [2. С. 237].

В Астрахани Дюма получил от калмыцкого князя Тюменя приглашение на праздник, который тот устраивал в честь приезда писателя.

Обращаясь к читателям, Дюма напоминает, что, несмотря на чрезвычайную географическую отдаленность Калмыкии от Европы, французы уже соприкасались с калмыками, так как калмыцкие отряды находились в составе русской армии во время войны 1812 г. В этой военной кампании участвовали два конных полка: Дербеневский под командованием Джембо-Тайши Тундутова и Хошеутовский под командованием князя Сербеджана Тюменя (полк находился в авангарде русской армии), двоюродного деда правящего князя Тюменя, от которого Дюма получил приглашение.

Командиры обоих калмыцких полков получили высокие награды: обоим за храбрость были вручены золотые сабли, а князь Тюмень, кроме того, получил звание подполковника, а также ордена Св. Георгия, Св. Анны, Св. Владимира 4-й степени. Многие калмыки обоих полков были награждены Георгиевскими крестами и произведены в офицеры [3. С. 361].

В октябре 1813 г. калмыцкий полк был среди участников знаменитой «Битвы народов» под Лейпцигом. 19 марта 1814 г. вместе с передовыми войсками русской армии калмыцкие полки вступили в Париж. Все они имели при себе старинные

национальные знамена. Одно из них хранилось в качестве реликвии в Хошеутовском (Тюменевском) хуруле — наиболее известном буддийском монастырском комплексе Калмыкии. В нем также хранились как национальные святыни старомонгольские и тибетские буддийские рукописи, а также и другие реликвии [4. С. 63]. Этот хурул был построен в 1814—1817 гг. в память об участии калмыков в Отечественной войне 1812 г.

Калмыцкие знамена изготавливались в традиционной технике гладьевой вышивки с элементами аппликации. На них изображался покровитель воинов Дайчи Тенгри (Небесный Воитель) в полном боевом облачении со знаменем в руке. Над ним размещались три птицы, а снизу — пять видов животных. Эта композиция символизировала власть Небесного Воителя над небом и землей [5. С. 34; илл. 31—39]. Под такими знаменами калмыцкие воины вступили в Париж.

Героическое участие калмыцких полков в Отечественной войне 1812 года — одна из тех ярчайших страниц истории калмыцкого народа — не забыто и сегодня.

Дюма пишет также о том, что князь С. Тюмень, участник этой войны, будучи в Париже, заказал свой портрет известному французскому художнику Ж.-Б. Изабе (1767—1855). В течение нескольких сеансов князь позировал художнику, однако вскоре это ему наскучило, и тогда Изабе предложил, чтобы какой-нибудь калмык позировал вместо князя, что и было сделано. Портрет получился очень похожим. Этот эпизод, с мягкой иронией представленный писателем, он использует для того, чтобы перейти к рассказу о национальных особенностях калмыков, которые, по его мнению (и в этом он согласен с Изабе), внешне очень похожи друг на друга, и, пожалуй, трудноразличимы.

Калмыки — ламаисты, «особенно отличают калмыков от других народов смиренная манера держаться и доброта лиц. Русские — мягки, калмыки — смиренны» [2. С. 261].

Но писателю открылись и другие стороны калмыцкого характера, которые он также отразил в своей книге. Традиционный кочевой образ жизни калмыков требовал огромной физической силы, чрезвычайной ловкости и сноровки не только от взрослых, но и от детей. Дюма наблюдал конные состязания, верблюжьи бега, национальную борьбу, в которой принял участие, вступив в соревнование с князем. Кроме того, он был свидетелем гона десяти тысяч диких степных лошадей, зрелища, специально устроенного князем для развлечения высокого гостя. Описание этих событий поразило не только самого писателя, но и его французских читателей.

Свое пребывание у князя Тюменя, как и все путешествие по Калмыкии, Дюма подробно описал также в письме к сыну, в котором отразилось и восприятие писателем буддийских реалий. Дюма сообщал, что князь, у которого «имеется двести семьдесят священников, из коих одни играют на цимбалах, другие — на кларнетах, третьи — на морских раковинах, четвертые — на трубах длиною в двенадцать футов, — прежде всего устроил нам в своей пагоде *Te Deum*, огромное достоинство которого заключалось в его краткости» [6. С. 227].

В приведенном пассаже прочитывается довольно поверхностное отношение писателя к происходящему: буддийская церемония предстает здесь как зрелище

экзотическое, чуждое и непонятное. Эта интонация сохраняется и далее, в ситуациях, когда Дюма считал необходимым обратиться к образам буддизма. Вспоминая калмыцкий праздник, Дюма писал: «На другое утро каждому из нас принесли прямо в постель большую чашку верблюжьего молока. Я проглотил его, вручив себя Будде. Скажу тебе по секрету, что Будда — ненадежный бог, и если бы его алтарь находился на открытом воздухе, я воздал бы ему должное» [6. С. 229]. Перед нами образец письма светского человека. Яркой особенностью этого текста является смешение буддийских образов с обыденными.

Важной частью очерков о Калмыкии является также описание религиозной жизни, традиций, обрядов и церемоний, сопровождающих свадьбы, рождение детей, похороны. Дюма присутствовал на церемонии в буддийском храме, где князь Тюмень «твердо приказал просить у далай-ламы для нас всяческого счастья» [6. С. 275]. Вольнодумец в отношении религии Дюма характеризует калмыцкое духовенство как «самое процветающее и самое ленивое из всех видов духовенства, кроме русского» [6. С. 280].

Привлекли внимание писателя и некоторые весьма курьезные факты, в которых проявилось соприкосновение французской и калмыцкой культур. Большое впечатление на Дюма произвели изысканные предметы современного французского быта, присутствовавшие во дворце калмыцкого князя. Прежде всего это новый рояль французской работы. Князь объяснил, что поскольку ему стало известно, что во Франции не существует гостиницы без рояля, то он тоже решил завести его у себя (хотя никто не мог играть на нем). Далее произошел эпизод, по поводу которого писатель воскликнул, что он никогда бы не поверил в его реальность, не участвуя он в нем сам. Князь подошел к Дюма с альбомом в руках и попросил написать несколько строк. «Альбом в Калмыкии! Представляете себе? Альбом от Жиру, с бумагой, девственно белой, как клавиатура Эрара, и, несомненно, прибывший оттуда же, так как князю, конечно, сказали, что не бывает гостиницы или салона без рояля и не бывает рояля без альбома!» [6. С. 299].

Этот альбом в иронической интерпретации Дюма становится символом европейской цивилизации, проникшей в калмыцкую степь. Ирония не покидает писателя и тогда, когда он видит другие бытовые европейские предметы роскоши, в которых обитатели дворца, по сути дела, не нуждаются, но они — знак приобщенности к той далекой европейской цивилизации, о которой говорят и мечтают. Дюма до глубины души поражен калмыцкой экзотикой, а двор калмыцкого князя увлечен экзотикой европейской. Соприкосновение двух культур при этом, как мы видим, с обеих сторон ограничено восприятием внешнего. Например, при отъезде Дюма, когда князь на прощание потребовал от писателя клятвы, что он вернется в Калмыкию, реакция писателя была ироничной и легковесной: «Как это маловероятно. Поэтому я поклялся далай-ламой. Эта клятва ни к чему не обязывала» [6. С. 311].

Однако ирония писателя, органично присущая всему его творчеству, в калмыцких очерках относится только к той части общества, которая дает повод для такой иронии. Но мы не обнаружим и следа иронической интонации, когда Дюма пишет

о реальной, трудной, подчас полуголодной жизни степной Калмыкии. Он восхищается многим, в том числе силой, стойкостью и мужеством ее народа, умеющего укрощать и приручать природную стихию диких лошадей.

«Путевые впечатления» Дюма о посещении Калмыкии в 1858 г. стали для Франции, а затем и для всего европейского общества, своеобразным «географическим открытием» мира многих народов, населявших Россию и ранее почти неизвестных в Европе, в том числе и калмыцкого народа. Книга Дюма относится к тем литературно-историческим явлениям, которые не утратили своего значения и сегодня.

Но еще раньше, в 1842 г., хотя и скупой, запечатлел образ калмыков в одном из своих романов Оноре де Бальзак. Речь идет о романе «Урсула Мируэ». В многочисленных ссылках существует ошибочное утверждение, что Бальзак написал эссе о калмыках в Париже в 1814 г. На самом деле этого эссе не существует, есть только одно упоминание о калмыках — в романе «Урсула Мируэ». Это произведение отнесено писателем к «Сценам провинциальной жизни» и характеризуется как роман о нравах. В нем, как и во многих других произведениях Бальзака, читатель обнаруживает «целый мир, огромное скопище типов» [7. С. 16]. Одним из таких ярких типов романа является почтмейстер Миноре-Левро: «настолько своеобразен он был в своей заурядности. Представьте себе животное до мозга костей, и вы получите Калибана, а это не шутка. Там, где верх берет Форма, Чувство исчезает. Почтмейстер, живое подтверждение этой аксиомы, принадлежал к числу тех существ, в которых буйство плоти мешает даже самому вдумчивому наблюдателю разглядеть хоть малейшее движение души. <...> Лицо у почтмейстера, много времени проводившего на солнце, было сизо-коричневое. Глубоко посаженные серые глаза, хитро смотревшие из-под черных кустистых бровей, напоминали глаза калмыков, явившихся во Францию в 1815 году [на самом деле в 1814 — Г.С.]; если они порой загорались, то лишь от одной-единственной мысли — мысли о деньгах» [8. С. 21].

Здесь Бальзак прибегнул к выразительному сравнению, понятному всем его современникам, ведь в памяти французского общества еще была жива память о вступлении русской армии в Париж. В ее составе, как известно, находились также представители «экзотических», неизвестных французам народов, в том числе и калмыки.

В портретной характеристике писатель стремился подчеркнуть связь с теми потрясениями, которые испытало французское общество как общество побежденных при встрече с победителями, среди которых были представители совершенно неизвестной французам цивилизации. Калмыки у Бальзака символизируют образ предельно чужого и враждебного. Интересен сам факт включения образа калмыков в контекст романа как яркий и выразительный прием характеристики персонажа. Здесь можно провести параллель с тем литературным приемом, который Н.В. Гоголь использовал в поэме «Мертвые души» (1842) при создании образа Чичикова. И в этом произведении также нашли отражение отголоски войны 1812 г. В десятой главе поэмы чиновники города NN выдвигают версию, что Чичиков будто бы на самом деле Наполеон, который, покинув остров Святой Елены, принял облик Чичикова и пробирается в Россию. Восприятие окружающими Чичикова

как человека странного, чуждого и непонятого вызвало к жизни неожиданное и совершенно фантастическое сближение образа Чичикова с образом недавнего врага. Знаменательно то, что одновременно, в 1842 г., и Бальзак, и Гоголь обратились для характеристики своих персонажей к историческим событиям, связанным с войной 1812 г.

Бальзак рисует отталкивающий образ Миноре-Левро, усиливая при этом категорию безобразного. Через безобразное внешнее раскрывается и внутренняя духовная сущность персонажа.

В связи с этим уместно привести мысль современного российского автора, исследующего природу безобразного: «...образы безобразного чаще всего рождаются в человеческом представлении, или живут в человеческом подсознании и всегда окрашены субъективными эмоциями, чертами, <...> относительно безобразного нет никаких канонов, и здесь часто все решает только личное восприятие, личный опыт» [9. С. 79—80]. На это личное восприятие, личный опыт ориентировались и Дюма, и Бальзак. Образ калмыков, преломленный через призму авторского видения чужой культуры, прочно вошел во французскую литературу.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Трескунов М.* Предисловие // Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч. в 3 т. М.: Ладомир, 1993. — Т. 1. — С. 7—43.
- [2] *Дюма А.* Путевые впечатления. В России. Соч. в 3 т. — М.: Ладомир, 1993. — Т. 3.
- [3] *Исколь С.Н.* Исторические справки // Дюма А. Путевые впечатления. В России. Соч. в 3 т. — М.: Ладомир, 1993. — Т. 3 — С. 341—364.
- [4] *Сафронова Е.С.* Буддизм в России. — М.: Издательство РАГС, 1998.
- [5] Старокалмыцкое искусство. — Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991.
- [6] *Моруа А.* Три Дюма. Соч. в 5 т. — М.: СП-Лексика, 1993. — Т. 4.
- [7] *Пузиков Е.А.* Предисловие // Бальзак О. Урсула Мируэ. — М.: Художественная литература, 1989.
- [8] *Бальзак О.* Урсула Мируэ. — М.: Художественная литература, 1989.
- [9] *Самохвалова В.И.* Безобразное: размышления о его природе, сущности и месте в мире. — М.: Брис-М, 2012.

LITERATURA

- [1] *Treskunov M.* Predisloviije // Duma A. Putevyje vpechatlenija. V Rossiji. Soch. v 3 t. — M.: Ladomir, 1993. — T. 1—5. — C. 7—43.
- [2] *Duma A.* Putevyje vpechatlenija. V Rossiji. Soch. v 3 t. — M.: Ladomir, 1993. — T. 3.
- [3] *Iskjul S.N.* Istoricheskije spravki // A. Duma. Putevyje vpechatlenija. V Rossiji. Soch. v 3 t. — M.: Ladomir, 1993. — T. 3—5. — C. 341—364.
- [4] *Safronova E.S.* Buddizm v Rossiji. — M.: Izdatelstvo RAGS, 1998.
- [5] Starokalmytskoje iskusstvo. — Elista: Kalmytskoje knižnoje izdatelstvo, 1991.
- [6] *Morua A.* Tri Duma. Soch. v 5 t. — M.: SP-Leksika, 1993. — T. 4.
- [7] *Puzikov E.A.* Predisloviije // Balzak O. Ursula Mirue. — M.: Hudožestvennaja literatura, 1989.
- [8] *Balzak O.* Ursula Mirue. — M.: Hudožestvennaja literatura, 1989.
- [9] *Samohvalova V.I.* Bezobraznoje: razmyshlenija o jego prirode, suchnosti i meste v mire. — M.: Bris-M, 2012.

THE IMAGES OF KALMYKS IN THE WORKS BY A. DUMAS AND H. BALZAC

G.A. Sorokina

Kutafin Moscow State Law University
Sadovaja-Kudrinskaja str., 9, Moscow, Russia, 123995

The author of the article has attempted to analyse the images of Kalmyks seen through the eyes of two writers — A. Dumas and H. Balzac. The first contact of so distant cultures as French and Kalmyks took place in the period of Napoleonic Wars: in 1814 Russian army including Kalmyk forces marched into Paris. Balzac in the novel “Ursula Mirouet” reflected the perception of images of Kalmyks as absolutely alien and inimical. In 1858—1859 Dumas visited Russia and described his impressions in the travel book, where description of Kalmyk culture took a great place. Dumas presented Kalmyk culture as Buddhistic and expressed his delight with many features of national Kalmyk character. The author of the article believes, that literary images of Kalmyks is one of the forms of cultural dialogue.

Key words: Dumas, Balzac, Kalmyks, Image, Buddhismus, Kalmyks in Paris.